УДК: 316.42

Боконтаева Д.К., канд. социол. наук, доцент, ИГУ им. К.Тыныстанова

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ИССЫК-КУЛЯ О ВОССТАНИИ 1916 ГОДА (НА МАТЕРИАЛАХ УСТНЫХ ИСТОРИЙ)

В статье на основе устных историй жителей Иссык-Кульской области проанализировано восприятие и конструирование исторического опыта о восстании 1916 г., связанное с травматическими воспоминаниями об Уркуне, о бегстве жителей региона через труднодоступные перевалы в Китай, о жертвах и гибели людей, о трудностях жизни в Китае и их возвращении на свою землю.

В статье автором использована методика устных историй, как способа выхода индивидуальных травмированных воспоминаний. Специфика устной истории состоит в изучении особенностей субъективного воспоминания, личного осмысления пережитого и ответственности индивида за его место в истории. Устная история позволяет изучить способы «проживания» жизненных событий: индивидуальных кризисов, поворотных моментов биографического пути, социально-исторической ситуации.

Устная история рассказывает больше о значении события, нежели о самом событии. Устные истории обнаруживают незнакомые случаи известных происшествий; они всегда бросают новый свет на неизученные сферы социально-уязвимых групп. С этой точки зрения единственная задача, излагаемая устными источниками это засвидетельствование.

Ключевые слова: *устные истории, восстание 1916 г., идентичность, утрата, травматические воспоминания.*

Боконтаева Д.К., социол. илимд. канд., доцент, К Тыныстанов ат. ЫМУ

ЫСЫК-КӨЛ ТУРГУНДАРЫНЫН 1916-ЖЫЛДАГЫ КӨТӨРҮЛҮШ ЖӨНҮНДӨ ЭСКЕРҮҮЛӨРҮ (ООЗЕКИ БАЯНДАРДЫН НЕГИЗИНДЕ)

Макалада Ысык-Көл областынын жашоочуларынын Үркүндөгү жараттары жөнүндөгү эскерүүлөрү, Кытай тарапка аймактагы жашоочулардын татаал ашуулар аркылуу качуусу, адамдардын бейкүнөө курмандыктары жана өлүмдөрү, Кытай жериндеги азаптуу жашоолору, кайра мекенге кайтуудагы кыйынчылыктары жөнүндөгү оозеки баяндарынын негизинде 1916-жылдагы көтөрүлүштүн тарыхый тажрыйбаларын кабыл алуу жана кайра түзүп анализдөөгө алынды.

Автор тарабынан оозеки баяндар усулу жекече жаралуу эскерүүлөрдүн чыгуу ыкмасы катары алынган. Оозеки баяндын спецификасын субъективдүү эскерүүлөрдүн өзгөчөлүктөрүн, башынан өткөргөндөрдү жана тарыхтагы орду үчүн жоопкерчилигин индивиддин аңдап, түшүнүсү түзөт. Оозеки баяндар жекече кризистерди, биографиялык жолдордогу бурулуш учурларды, социалдык-экономикалык абалдарды, жашоодогу «баштан өткөн окуяларды» изилдеп-үйрөнүшүгө шарт түзөт.

Оозеки баяндарда окуянын өзүн эмес, анын маанисин көбүрөөк айтышат. Социалдык аялуу топтун изилденбеген катмарына жаңыча жарык таштап, анда белгилүү окуялардын белгисиз учурларын ачып берет. Ушул көз караштан алганда, оозеки баяндардын негизги милдети – бул күбөлөө.

Өзөктүү сөздөр: *оозеки баяндар, 1916-жылдагы көтөрүлүш, иденттүүлүк, жоготуу, жаралуу эскерүүлөр.*

*Bokontaeva D.K., Candidate of Social sciences, Associate Professor,
Issyk-Kul State University named after K.Tynystanov.*

**MEMOIRS OF THE PEOPLE OF ISSYK-KUL ABOUT THE UPRISING OF 1916.
(BASED ON ORAL HISTORY)**

In this article, based on oral stories of the inhabitants of the Issyk-Kul region, the perception and construction of historical experience of the rebellion of 1916, associated with traumatic memories of Urkun, the flight of the region's inhabitants through difficult access passes to China, the victims and deaths of people, the difficulties of living in China and their return to their land.

In this article the author uses the method of oral stories as a way to release individual traumatized memories. The specificity of oral history is to study the features of subjective memory, personal reflection on the experience and the responsibility of the individual for his place in history. Oral history allows us to study ways of "living" life events: individual crises, turning points of the biographical path, social and historical situation.

An oral story tells more about the meaning of the event than about the event itself. Oral stories reveal unfamiliar cases of known incidents; they always cast a new light on the unexplored spheres of socially vulnerable groups. From this point of view, the only task posed by oral sources is certification.

Key words: *oral histories, 1916 uprising, identity, loss, traumatic memories.*

Трагические события 1916 года в Центральной Азии: восстание против царской администрации и его последствия – сегодня, через 100 лет, до сих пор хранятся в памяти кыргызского общества. В воспоминаниях детей и более дальних потомков очевидцев это трансмиссия памяти, передаваемая поколениями, и своего рода реконструкция событий, которая, тем не менее может передать более полную, глубоко личную историю о событиях.

С апреля по июнь 2018 года мы провели 25 интервью среди жителей Иссык-Кульской области с использованием методики сбора и анализа устной истории. Хотя очевидцев тех событий видимо нет, их дети и внуки поделились своими устными историями, которые продемонстрировали отличный от советского неофициального образа восстания 1916 года. В нем запечатлены воспоминания о подавлении восстания и бегстве жителей Иссык-Куля через труднодоступные перевалы в Китай, о жертвах и гибели сотен людей, о трудностях жизни на чужбине и их возвращении на свою землю.

Актуальность использования устных историй в том, что они являются способом выхода индивидуальных травмированных воспоминаний. Главным предметом устной истории является субъективный опыт отдельного человека. Специфика устной истории состоит в изучении особенностей субъективного воспоминания, личного осмысления пережитого и ответственности индивида за его место в истории. Устная история позволяет изучить способы «проживания» жизненных событий: индивидуальных кризисов, поворотных моментов биографического пути, социально-исторической ситуации.

Устная история рассказывает больше о значении события, нежели о самом событии. Устные истории обнаруживают незнакомые случаи известных происшествий; они всегда бросают новый свет на неизученные сферы социально-уязвимых групп. С этой точки зрения единственная задача, излагаемая устными источниками, это засвидетельствование.

Повседневность, отраженная в устных историях преодоления травмирующих событий, позволяет проследить пути восстановления утраченной идентичности, способы преодоления травмы, выхода из нее.

Восстание кыргызов 1916 года оставило глубокий след в жизни нескольких поколений жителей Иссык-Кульской области. В каждой кыргызской семье из уст бабушек, дедушек передавались воспоминания о трагических событиях того периода. Устные

истории включают не только воспоминания участников восстания 1916 года и их детей, но и внуков, и правнуков, современников, и свидетелей того времени.

Воспоминания об утрате

В устной памяти о событиях 1916 года наиболее эффективными и наиболее частыми являются воспоминания о побеге и потере – близких, имущества, привычного уклада жизни, и, в конце концов, родины. Воспоминания о спешном побеге, о трудном и часто смертельном переходе в Китай, о скитаниях и лишениях в Китае являются материалом для создания «сообщества утраты».

В устных историях моих респондентов первое, что привлекает внимание, это травматические воспоминания о страданиях и ужасах от массовой гибели людей на горных перевалах и реках при внезапном бегстве от преследования. Один из моих респондентов Калыс вспоминает, что часто слышал от своих родственников о том, что люди уходили в Китай, в Турпан, через реки Нарын-Кол и затем Или, которая расположена на границе Кыргызстана, Казахстана и Китая. Бегство пришлось на позднюю осень 1916 года, когда настали холода. *«В ноябре они рассказывали, что они покинули свои стойбище, начали уходить и тогда уже было холодно»* [1]. *«Эти события людей настигли врасплох, кто-то взял скот, продукты, а кто-то ничего с собой не взял, так как не были готовы»* [6].

Бабушка респондента Кенжебека рассказывала, что *«они жили в горах, на джайлоо в юртах и в один день пришли русские. Они стали разрушать юрты и поджигать. И тогда от испуга кыргызы стали бежать. У русских было оружие. А у кыргызов не было никакого оружия, они даже не слышали звук выстрела оружия, нападение для них было потрясением, они вынужденно бежали. Все это для них было впервые, выстрелы, суматоха, они спасались бегством. Бегство было со стороны Джеты-Огуза, через перевал Бедель, а Ак-Суйские кыргызы бежали через Каркыра, в Кеген и потом они достигали Китая. Здесь на этих перевалах погибли половина кыргызов»* [9].

О бегстве в Китай примечательна устная история моей респондентки Чолпон, которая рассказала о воспоминании своей бабушки Сейдакан (1900-1982). Бабушке Сейдакан было всего 16 лет во время восстания, и она была юной женой, только что вышедшей замуж. Она рассказывала, что *«местное население не особо понимало о восстании, но они все говорили, что не будут отдавать своих сыновей в русскую армию. А также то, что если не бежать, то нас всех будут истреблять и убивать»* [12].

Без подготовки люди ринулись к бегству. Тех людей, кого карательный отряд настигал, убивали и отбирали у них имущество и скот. Родители Калыса ушли через Каркыру. *«Когда в Казахстан уходил из Ак-Суйского района через Нарын-Кол есть высокие горы Хан-Тенгри, там ледники, зима приходит рано, там Каркыринская вода. И через большую речку Или они переплывали и уходили. А когда настигали карательные отряды, они все побросали и многие на морозе на реках утонули, это ужасно. И когда мать рассказывала, ей было очень больно, они много об этом не вспоминали, все это было до революции, и мама была маленьким ребенком»* [1].

Респондент Бакыт, рассказывая о бегстве бабушки и дедушки со стороны мамы через село Барскон, говорит, что на их глазах погибали сотни и тысячи людей. *«...Среди них они видели и маленьких детей, и старых, и молодых. Все они оставались не преданными земле, не было условий, чтобы их похоронить. Почти половина беженцев оставались по дороге, они погибали и там же на месте и оставались»* [7].

Другой респондент Фархад на всю жизнь запомнил историю от своей бабушки Урумкан, которая рассказала о переходе кыргызов через реку Музарт –Суу. Вот как она рассказывала: *«Когда они бежали, а сзади их преследовали русские со своими пушками,*

ружьями. Кыргызы как могли старались бежать быстрее и дошли до перевала. А там, в горной реке была большая вода. Эту реку она называла Музарт–Суу. И когда они дошли до Музарт –Суу, беженцы увидели огромную реку с шумным течением. Люди, невзирая ни на что, заходили в эту воду, т.е. из того места, где они стояли. Те, кто заходил с середины или дальше от середины этой реки с верблюдами, лошадьми, мужчины, женщины, дети, всех их унесло течением реки, потому что, когда много людей зашло в воду, то вода еще больше поднялась и унесла с собой большое количество людей. Она сама собственными глазами видела, как водой уносило бешик (люлька) с младенцем. Старики, молодые, животные, все смешалось в этом месте. Когда все переходили была суматоха, крики, вопли о помощи. Она смогла с лошадью перебраться на другую сторону реки и долгое время не могла найти своих родителей. Утром, на заре, ее нашел отец и забрал к родственникам. И так она благополучно перешла Музарт-Суу» [8].

Чтобы выжить и не умереть с голоду во время бегства в Китай, люди пошли на ужасные действия – им приходилось питаться человеческим мясом. Вот как об этом рассказывает Кубан: «На горном перевале им приходилось останавливаться. Был такой случай, когда без остановки шел снег, 3 дня подряд. Народ голодный, все мерзнут, не знают, что им делать. На второй день два джигита принесли кусок мяса, объявив всем, что это мясо барана. Люди с трудом разожгли костер и варили мясо где-то 3-4 часа. Каждому досталось по маленькому кусочку мяса и одной тшале бульона. Мясо было таким вкусным, что вкус долго не сходил со рта, так они подкрепились. А на следующий день погода открылась, и они двинулись дальше в путь. Когда они передвигались дальше, то увидели довольно большую женщину, у которой отрубили голень. И тогда они поняли, какое мясо они ели, это не было мясом барана или лошади, а было человеческое мясо. ...Утром, после того как они ее увидели, то всем стало плохо, людям было не по себе. Эта была женщина, которая тоже бежала, но замерзла и умерла» [10].

В устных историях не менее травматичным является переход через границу Китая беженцев-кыргызов, которые жертвовали своим имуществом, а иногда собственными детьми. Вот как об этом рассказывает Калыс: «Когда они переходили границу, то на границе уже стояли российские и др. войска. И вот тогда пошел уже голод, они еще границы Казахстана не достигли. И когда они договорились, что все, что блестело у жен, дочерей, девушек, нужно отдавать войскам на границе и так они переходили в сторону Китая. 18 детей было очень трудно прокормить и тогда прабабушка и прадед решили старшую сестру отдать замуж, на границе. Один из военных солдат на нее глаз положил, он татарин, по-моему. И он за полмешка муки взял замуж старшую сестру моей матери. Они этим полмешком или мешком муки спасли своих детей от голода. И так они дошли до Китая, до Турпана» [1].

Бабушка респондента Фархада вспоминала, что «когда они добрались до Китая, черулоор, пограничники с оружием в руках встретили беженцев из кыргызских земель. Они все ценное и все, что блестело, отбирали на границе» [8].

Другой мой респондент Осмон поделился историей своей бабушки Кенжей, которой на момент восстания было 13 лет. Она рассказала, что в ее роду не было больших потерь, но когда они достигли Китая «начались жертвы, люди гибли от голода и холода, болезней. Черики (китайские солдаты) приходили к каждой кыргызской семье и старались отобрать в семьях всех девочек. Родители бабушки прятали ее от чериков. Они ее накрывали тердиком или маленьким стеганным одеялом (тошоком) и она была незаметна». Бабушка Осмона Исмаилова рассказывала, что «они все время нуждались в талкане, было голодно» [13].

О такой же подобной истории рассказывает и известный нам Фархад, вспоминая о бабушке, которую тоже прятали от китайских пограничников. *«В тот момент моей бабушке было 13-14 лет, и когда на проверку приходили черулоор (пограничники), ее укладывали вместе с тошоками или стегаными одеялами, чтобы не было видно. Они всегда боялись их, думая о моей бабушке, чтобы ее не забрали»* [8].

Родственники респондентки Асылкуль со стороны ее бабушки рассказывали, что *«когда они переходили границу, то девушек, девочек «сильно воровали» китайские солдаты. Они насильно вырывали наших кыргызских девушек и девочек, насиловали и уводили куда-то»* (интервью с Асылгуль). Особенно, как вспоминает респондент Жыргал, бабушке запомнилась граница с Китаем, так *«многие кыргызы не могли пройти, вынужденно продавали своих детей, дочерей. А тех, кто сопротивлялся, расстреливали»* (интервью с Жыргалом). *«За чашку талкана продавали наших дочерей, девушек, какие-то только испытания и горести не легли на плечи нашего народа»* [6].

Травматичными являются воспоминания моих респондентов и о жизни в Китае. Вот как об этом рассказывает внучка бабушки Сейдакан: *«В один из дней мы дошли до Китая. Там тоже люди жили не хорошо, чувствовалась нехватка и бедность. Мы стали наниматься китайцам на работу, чтобы заработать кусок хлеба. Улицы в Китае очень узкие и люди были неряшливые. Базар их похож на собачий рынок. На базаре мы увидели мужчину, на шею которого надели тяжелую деревянную доску. Избитый, он вызывал у всех жалость и люди подходили и совали в рот какую-то еду. Он ходил по базару, чтобы все его видели, он своровал что-то и все должны были видеть вора. На базаре также была сетка, а за ней сидели люди, похожие на привидения, люди проходили мимо их и бросали им что-то как собакам. А потом мы узнали – это были люди, которые несли какие-то наказания»* [12].

В воспоминаниях бабушки Калыса жизнь *«в Китае была еще тяжелее, кто-то принимал, а кто-то не принимал»*. У беженцев-кыргызов была большая тоска по родине. Об этой тоске по родному краю рассказала бабушка Сейдакан: *«Жизнь беженцев в Китае и их возвращение домой были не менее тяжелыми»*. В Китае кыргызы, по словам бабушки Сейдакан, *«тосковали по «нашему воздуху, земле, воде. Люди смотрели на птиц, которые летели в сторону наших краев и плакали»* [12].

В Китае беженцы-кыргызы испытывали трудности, нужду, а также насилие от местного населения. Бабушка Жыргала рассказывала, что *«когда они бежали в Китай, каждый день по двое или трое ее родных братьев и сестер умирало от ветряной оспы»*. И от 17 детей останется только трое – это бабушка и два тайке Тумонбай и Тугольбай. Бабушка говорила, что *«во время Уркуна погибло много кыргызов от голода, от тяжелых условий, от притеснения и насилия со стороны китайцев и уйгуров»* [5].

О тяжелых условиях жизни, притеснениях и жестокой эксплуатации говорит респондент Бакыт по воспоминаниям его бабушки: *«когда прибыли в Китай, там им тоже было очень трудно, они нанимались к уйгурам, работали у них по хозяйству, заработки были мизерные, жили впроголодь. Они думали, что там хорошая жизнь, но все оказалось не так, как они думали. В Китае эксплуатация была вдвое хуже, чем здесь»* [7].

В устных историях мои респонденты также с большим сожалением рассказывали об оставшихся родственниках в Китае в результате Уркуна, что тоже для них является травматичным воспоминанием. *«Из всех детей бабушки в Китае трое или четверо детей остались там»* (интервью с Калысом). *«...На КТР есть передача «Изеймин сени» («Ищи тебя»), в ней я видел, что только сегодня находятся родственники, которые остались в Китае у современных жителей Иссык-Кульской области. Они встречаются, обнимаются, так у многих дети там остались, они выросли, женились, вышли замуж и только теперь*

находят друг друга после восстания 1916 года» [5]. «Есть у нас родственники, которые после Уркуна возвратились только в 60-е годы» [6]. «Какая-то часть беженцев, рассказывала бабушка, возвратилась, но многие из них остались там, в Китае» [7].

«Я был в Китае в 2013 г., чтобы исследовать кыргызов в Синьцзян –Уйгурском автономном округе. Надо сказать, до сих пор, там живут кыргызы, которые остались в Китае во время восстания 1916 г. Сейчас там живут их дети, внуки и правнуки. Они мне рассказывали, почему в тот момент они не смогли снова вернуться домой, в Кыргызстан» [10].

«В Китае большинство кыргызов погибли от голода и болезней. Старшую сестру бабушки отдали замуж за китайского казаха, потому что казахи насильно ее взяли в жены. Она не хотела, но ее казахи не отпустили вместе с родственниками. И впоследствии она уже не смогла связаться со своими родственниками. Сестра моей бабушки, которая осталась в Китае, всю свою жизнь жила в отчаянии, так как она не знала, живы или нет ее родственники. Братишка моей бабушки после их прихода из Китая тоже не прожил долго, сказались последствия болезни в Китае. Он тоже рано умер. И моя бабушка одна из всех семерых детей выжила. Она всю жизнь носила эту скорбь, что осталась одна из всех детей» [5].

Несмотря на невыносимые трудности, многие кыргызы были счастливы вернуться на родину. «Продукты все кончились, а когда они шли через Казахстан, вышли на горы вверх и тогда на верху, на пике гор они увидели наше озеро Иссык-Куль, вот тогда они сильно обрадовались. Это была такая радость, что они достигли своей земли, Иссык-Куль был виден с высоты» [1].

По возвращению в родные края, как рассказывала бабушка Сейдакан, «народ был очень беден, жили совсем плохо в каких-то лачугах». «Такого страдания» бабушка Сейдакан «не пожелала бы никому, будь это кыргызы или другие нации» [12].

Заключение

Устные истории респондентов подкрепляют исторические свидетельства о том, что десятки тысяч людей оставляли свой привычный уклад, землю, родину ради спасения жизни детей, семьи, родственников и всего рода после восстания 1916 года. То, что 100 лет спустя об этой травме говорят потомки беженцев, доказывает невероятные трудности и потери этих людей. До сих пор респонденты с болью и горечью рассказывают о страданиях и смертях, когда погибали их родные и близкие, беззащитные женщины, старики, дети.

В условиях бывшего СССР, данная тема, в силу идеологических установок правящей партии Советского Союза, была под запретом. Этой темой занимались только историки, которые старались не обнажать острые столкновения, происходившие между кыргызами и русскими во время восстания 1916 года. Так, после распада Советского союза наблюдалась либерализация во взглядах и интерпретациях событий прошлого. Ранее табуированные темы, например, о восстании 1916 года, о предвоенных репрессиях и т.д. стали активно обсуждаться в СМИ, проникали в общественную жизнь и научные работы исследователей. В устных историях мы видим восприятие социальной практики индивидуальным опытом респондентов.

Не являясь непосредственными участниками или свидетелями восстания 1916 года, современные иссык-кульцы тем не менее переживают воспоминания о восстании как личную и коллективную травму. В этих условиях память создает новые нарративы о восстании 1916 года, т.е. создается воображаемая конструкция событий второго и третьего поколения на основе воспоминаний очевидцев тех лет. Следовательно, не исцелённая

травма старшего поколения интерпретируется современными жителями региона как своя собственная и общенациональная трагедия, которую мы не должны забывать.

Литература:

1. Транскрип устной истории №1 Арбаев Калысбек, 57 лет, обр. высшее, интервью от 11.05.2018 г.
2. Транскрип устной истории №2 Калчаев Жолой, 59 лет, обр. средне-спец., интервью от 8.05.2018 г.
3. Транскрип устной истории №3 Жанаалиева Шейшекан, 58 лет, обр. высшее, интервью от 1.06.2018 г.
4. Транскрип устной истории №4 Токторбаева Асылгуль, 42 года, обр. высшее, интервью от 29.05.2018 г.
5. Транскрип устной истории №5 Исаков Жыргал, 38 лет, обр. высшее, интервью от 20.04.2018 г.
6. Транскрип устной истории №7 Сабатаров Бейшен, 58 лет, обр. высшее, интервью от 14.05.2018 г.
7. Транскрип устной истории №9 Атыгаев Бакыт, 47 лет, обр. высшее, интервью от 2.05.2018 г.
8. Транскрип устной истории №10 Сариев Фархад, 46 лет, обр. высшее, интервью от 17.06.2018 г.
9. Транскрип устной истории №12 Алымбаев Кенжебек, 53 года, обр. высшее, интервью от 5.06.2018 г.
10. Транскрип устной истории №15 Мамбетов Кубан, 59 лет, обр. высшее, интервью от 28.04.2018 г.
11. Транскрип устной истории №16 Акматалиев Жыргал, 44 года, обр. высшее, интервью от 30.04.2018 г.
12. Транскрип устной истории №18 Сооронбаева Чолпон, 42 года, обр. высшее, интервью от 04.2018 г.
13. Транскрип устной истории №17 Исмаилов Осмон, 70 лет, обр. высшее, интервью от 12.04.2018 г.
14. Ушакин С. Нам этой болью дышать? /О травме, памяти и сообществах// Травма: пункты: сборник статей/сост. С.Ушакин, Е.Трубина. –М.: Новое литературное обозрение, 2009, С.5-44.
15. Ушакин С. Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России. В сборнике статей «Идентичность, поиск, производство, воспроизводство», с.73-96. (Объединенная Летняя школа. 20-29 июля, 2005. -Иссык-Куль, Кыргызстан).
16. Хлевнюк Дарья, Гизен Бернад. Триумф и травма. //Социологическое обозрение, 2010, Т.№9, №2, с.112-117.
17. Штомпка Питер. Социальные изменения как травма. (статья первая). // ж. Социологические исследования, 2001, №1, с.6-16.
18. Штомпка Питер. Культурная травма в посткоммунистическом обществе. (статья вторая). //Социологические исследования, №2, с.3-12.
19. Александер Джеффри. Культурная травма и коллективная идентичность. //Социологический журнал, 2012, №3, с.6-40.